

Дальнее — близкое — эпизод 13 из 31

На мой вопрос, почему Евплычевы живут на Амуре, отец скупно ответил:

— Не то что на Амур, а и в тюрьму люди попадают, да чести не теряют.

Маме хотелось повидать свою «сведенную» сестру, которая была замужем в городе. Мне было известно, что ее муж «сам печатает книги и газеты».

Понятно, что такой печатник в моих глазах был много интереснее Евплычевых, и мы с мамой, подхватив сундучок, отправились на Усольцевскую. Адрес был здесь более точный: от Главного, если идти к Верх-Исетску, четвертый дом на правой стороне. На деле и тут оказалась трудность. Путали пустыри, которыми начинался этот участок улицы: считать или не считать их. Я настаивал — считать, но тогда четвертый дом приходился графский. Так и написано было: «Дом графа Ивана Андреевича Толстого». Опять граф! Сколько же их в городе! Этот, впрочем, оказался «вроде при своем деле» — председатель Дворянской опеки.

Хотя звание человека, который сам печатает книги, в моем мнении стояло высоко, все же я не мог допустить мысли, что он живет в графском доме. Следующий дом оказался принадлежавшим наследникам какой-то мещанской вдовы. Во дворе было два флигеля: один двухэтажный, другой хуже нашей бани, как я определил для себя. В нем-то и жили те, кого мы искали. Мне это показалось мало похожим на правду. Еще непонятнее была та кричащая бедность, которую мы увидели внутри хибарки. Изможденная, с лихорадочным блеском в глазах женщина сидела у стола и коротким сапожным ножом резала разноцветную бумагу. На полу двое малышей играли обрезками бумаги, а третий, совсем еще маленький, спал в зыбке. Увидев маму, женщина бросила нож и заплакала:

— Как это ты надоумилась, Татьянушка? Все меня позабыли. Бывают ведь, а никто не заглянет. Погляди-ка, погляди на наше городское житье. А это Егорчик? Какой большой вырос! Учиться привезла? Выучишь вот — станет бедствовать, как мой. Сама-то каково бегаешь? Василий где? К Евплычевым убежал? Не застанет. Никого. Видела я недавно Андрея. У Круковского на заводе пристроился. «Жить бы, — говорит, — можно, да квартира бьет».

Женщина говорила быстро. Задавая вопросы, не ждала ответов, как будто боялась, что не дадут договорить. Мама лишь успела спросить:

— Пьет твой-то?

— То и горе, что не забыл этой повадки. Остепенился маленько, а нет-нет и сорвется. Пора за ум взяться. У меня, поди-ко, их под ногами трое, — указала она на ребят, — да столько же по улицам собак гоняют. А главное, все тут с купли. За балаган этот подавай семь с полтиной на каждый месяц, да еще дрова. Видишь, вон цветочками занимаюсь. Мадаме одной сдаю, а расчет в копейках. Ничего не поделаешь. Пока жива, тянуться надо. Недолго уж. Этих вот только жаль, — показала она на ползунков.

— Не ходят? — тревожно спросила мама.

— Не с чего им ходить, — ответила Варвара и горько расплакалась, прижавшись к маме.

— Чую, недолго протяну, а с ними что? Ивана тоже жалко. Вовсе без меня с пути собьется и ребят загубит.

Мама стала утешать, но чувствовалось, что она сама не верит тому, что говорит. Варвара махнула рукой:

— Ладно, Танюшка, не уговаривай. Сама виновата: захотела городского свету. Насмотрелась досыта. Зря ты своего парнишку привезла в это губительное место.

Этот оборот разговора мне вовсе не нравился, но обижаться на больную не мог. Скорее было страшно, и я был рад, когда уходили из этого несчастного дома. Но страшная картина все же не смогла заслонить удивления, — у печатника не видел ни одной книги. Это продолжало мысль: не разберешь городских. Сами печатают, а книг не имеют!

Когда пришли в Верх-Исетск, отец уже был там.

— Ну, как Варвара?

— Чуть ли не насмерть простились, — ответила мама. — В чем душа держится! А ребята мал мала меньше. Шестеро их! — И мама заплакала.

— Что поделаешь, — угрюмо отозвался отец. — Не одну ее город съел. Тяжело у них. Вон Евплычевы, поглядела бы, где живут. А ведь у Ивана мастерство. Настоящее! Зацепился где-то на мельнице, Андрюха — у Круковского на заводе. Не видал их.